

ВИКТОР
ПЕЛЕВИН

ТАЙНЫЕ
ВИДЫ НА
ГОРУ
ФУДЗИ

Единственный и неповторимый. Виктор Пелевин

Виктор Пелевин

Тайные виды на гору Фудзи

«ФТМ»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Пелевин В. О.

Тайные виды на гору Фудзи / В. О. Пелевин — «ФТМ»,
2018 — (Единственный и неповторимый. Виктор Пелевин)

ISBN 978-5-04-098435-0

Готовы ли вы ощутить реальность так, как переживали ее аскеты и маги древней Индии две с половиной тысячи лет назад? И если да, хватит ли у вас на это денег? Стартап "Fuji experiences" действует не в Силиконовой долине, а в российских реалиях, где требования к новому бизнесу гораздо жестче. Люди, способные профинансировать новый проект, наперечет... Но эта книга – не только о проблемах российских стартапов. Это о долгом и мучительно трудном возвращении российских олигархов домой. А еще – берущая за сердце история подлинного женского успеха. Впервые в мировой литературе раскрываются эзотерические тайны мезоамериканского феминизма с подробным описанием его энергетических практик. Речь также идет о некоторых интересных аспектах классической буддийской медитации. Герои книги – наши динамичные современники: социально ответственные бизнесмены, алхимические трансгендеры, одинокие усталые люди, из которых капитализм высасывает последнюю кровь, стартаперы-авантюристы из Сколково, буддийские монахи-медитаторы, черные лесбиянки. В ком-то читатель, возможно, узнает и себя... #многоВПолеТропинок #skolkovoSailingTeam #большеНеОлигархия #brainPorn #####jhanas #samatha #vipassana #lasNuevasCazadoras #pussyhook #санкции #amandaLizard #згыин #empowerWomen #embraceDiversity #толькоПравдаОдна

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-098435-0

© Пелевин В. О., 2018

© ФТМ, 2018

Содержание

Часть I. Fuji #	7
1.1. FUJI# СТАРТАП	8
1.2. ТАНЯ	15
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Виктор Пелевин

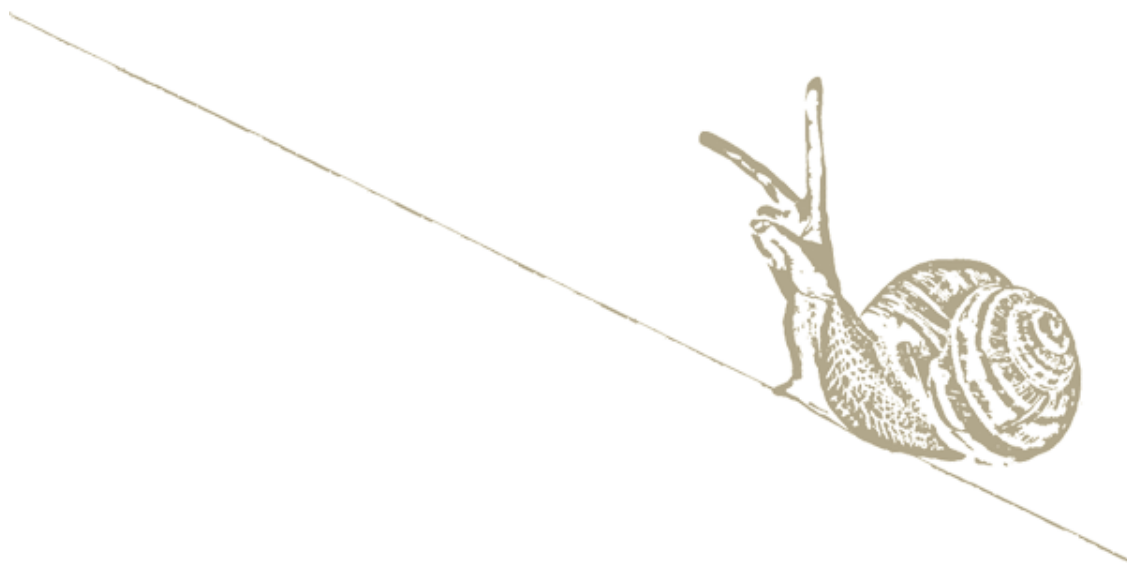
Тайные виды на гору Фудзи

Somebody's shouting up at a mountain...
Pictures of Home

Там, на вершине Фудзи...
Рама Второй

Часть I. Fuji

1.1. FUJI# СТАРТАП

Глотнув бондовского мартини (коктейль «Над Схваткой», как называло его внутреннее меню яхты), Федор Семенович откинулся на спинку шезлонга и стал следить за ползущим по синему простору катером, на котором уплыл Ринат.

Когда катер слился с белой тушей чужой мегаяхты, Федор Семенович наконец поднял глаза и разрешил себе заметить молодого человека в тертых джинсах, белой бейсболке и такого же цвета майке с синим принтом на груди. Рядом с ним на палубе стоял вместительный акушерский саквояж из желтой кожи.

– Добрый день, – сказал Федор Семенович и сделал такое движение, словно совсем уже собрался встать, но в последний момент не нашел достаточно сил. – Извините, загляделся на море. Вы из того стартапа, про который говорил Ринат Мусаевич?

– Да, – ответил молодой человек. – Он меня, собственно, и привез. Так вот и прыгаю с яхты на яхту.

– Присаживайтесь тогда, – сказал Федор Семенович, указывая на шезлонг напротив, – я немного отдохнуть хотел, а тут как раз тень.

Молодой человек снял бейсболку, положил ее на шезлонг таким образом, чтобы видна была надпись на ней, и деликатно присел рядом. На бейсболке было написано: «SKOLKOVO SAILING TEAM». Видимо, молодой человек давал понять, что у него тоже есть лодка, но пока еще маленькая. Федор Семенович хмыкнул.

– Вас зовут...

– Дамиан Улитин. Можно на «ты».

– Точно Дамиан? А не Демьян?

Дамиан выдержал взгляд Федора Семеновича.

– Точно. Могу паспорт показать.

Федор Семенович внимательно оглядел Дамиана.

Тому было на вид лет тридцать с небольшим. Уверенная улыбка, высокий сократовский лоб, черные волосы и борода – то ли широкая goatee, то ли узкая шкиперская. В Дамиане чувствовалась сладкая восточная – скорее всего, среднеазиатская – кровь и такая же сладкая восточная нега.

– Интересно, – сказал Федор Семенович, – столько слышу про эти сколковские стартапы, а встречаю впервые. Ну расскажи, как вам там стартапится.

– Вас стартапы вообще интересуют? – спросил Дамиан. – Или конкретно мой?

– И вообще, и твой.

У Федора Семеновича была такая привычка – задать собеседнику какой-нибудь замысловатый сложный вопрос, требующий долгого ответа, а потом, слушая вполуха, приглядываться к его мимике и жестикуляции, как бы внюхиваясь в чужую душу. Часто удавалось многое понять еще до обсуждения конкретных вопросов.

– Ну, если вообще...

Дамиан нарочито комическим жестом почесал затылок.

– Если вообще, – сказал он решительно, – то девяносто процентов всех стартапов – это чистой воды кидалово.

– Ух ты. Прямо-таки кидалово?

– Ну не в прямом уголовном смысле. Просто их начинают с одной целью – создать видимость движухи, чего-то такого многообещающего и рвущегося в небо, и сразу, пока никто не разобрался, эту видимость продать. Продают в таких случаях, по сути, презентацию с картинками, файл программы «power point», а деньги берут настоящие.

– Серьезно? – опечалился Федор Семенович.

Дамиан кивнул.

– То есть люди с самого начала думают не над тем, как перевернуть рынок, или хотя бы предложить людям новый продукт или там услугу, а над тем, как склеить эффектное чучело. Продемонстрировать рост, сделать отчетность с красивыми цифрами, заинтересовать инвестора, снять лавандос и отчалить. Работают не над идеей, а над слайдом. При этом продают, как правило, клон какого-нибудь клона, только слова подбирают другие, чтобы узнать было трудно...

Говорил Дамиан быстро, горячо и как бы очень искренне – такое ощущение возникало из-за того, что его слова налезали друг на друга, словно им было тесно во рту. Почему-то это вызывало доверие.

– То есть осваивают средства? – понимающе спросил Федор Семенович.

– Вот именно. Можно бюджет пилить, а можно на стартапах поднимать. Суть одна и та же.

Жестикуляция у Дамиана была энергичная и изящная – он как бы помогал руками своим словам и смыслом, разбивая перед ними невидимую преграду. Это тоже скорее вызывало доверие, чем наоборот.

– Да... Грустно, – сказал Федор Семенович. – Что же это, наше национальное свойство?

Дамиан отрицательно помотал головой.

– Да нет, не думаю. В Америке в точности то же самое. Но там стартаперу на порядок проще. Там идею можно продать. А у нас – как правило, только реализацию.

– Почему?

– А то вы не знаете. Американцы же деньги печатают. Сколько им в голову придет, без тормозов. Вытирают ими задницу, прикуривают от них и так далее – и нам потом кидают, чтобы мы за них у обменника дрались... Но до нас все равно одни брызги долетают. А у них там Ниагара из бабла. Источник всех земных смыслов. Американские стартапы на этой Ниагаре мельницы. Большинство – пустышки, разводка. Но Ниагара такая, что ей все равно. Зато, если хоть одна мельница что-то такое начнет реально производить, об этом весь мир узнает. Поэтому Америка может покупать идеи. А у нас...

– Нет Ниагары?

– Да какое там, – вздохнул Дамиан. – Вот в Сколково как? Сразу спрашивают – а продукт у тебя есть? Продажи? Клиенты? Покажи. Хотят, значит, чтобы наши юноши и девушки, затянув пояса, в условиях санкций с нуля раскрутились на вечной мерзлоте аж до продаж и клиентов – и только потом отечественный инвестор, экономя на футбольных клубах и баскетбольных командах, понесет им свои кровные. Которые на залоговом аукционе заработал... Какая норма прибыли интересует отечественного инвестора, вы знаете. И требуют, чтобы у стартапа был мировой уровень, не меньше. Желательно сразу новая фирма «Эпл»... Кровососы.

– Откровенный ты парень, – улыбнулся Федор Семенович. – Мне это симпатично. И направление работы у тебя хорошее – список «Форбс» обслуживать. Когда придумал-то?

– Еще в институте. Когда курсовую писал по социальному партнерству.

– Клиентов много?

Дамиан вынул из кармана сложенный вдвое лист тонкой бумаги и протянул его Федору Семеновичу.

– Вот список.

Федор Семенович поглядел в бумажку, усмехнулся и уважительно поднял бровь.

– Впечатляет, – сказал он, возвращая листок Дамиану. – Даже Юру развел. А почему на бумаге показываешь?

– Потому что... – Дамиан вынул из кармана зажигалку, поднес к листку и поджег его, – говорить вслух о таких предметах неразумно. Это может быть записано подслушивающим устройством и использовано. А сейчас никаких следов уже нет. Прайвеси клиента – святая норма один.

Он пустил по ветру быстро дотлевающие остатки бумажки.

– Хорошо, – сказал Федор Семенович. – Про клиентуру понятно. Ринат Мусаевич за тебя тоже ручается, что для меня самое важное. Так что ты хочешь мне продать? Если коротко?

– Счастье, – сказал Дамиан.

– Да? – развеселился Федор Семенович. – А откуда ты его завозить будешь? Там его вообще много? А то давай я оптом все возьму.

– Это не так просто. Счастье – это психический эффект. Ваше, так сказать, субъективное состояние в конце определенной процедуры. Продать и купить можно только процедуру. То есть технологию достижения счастья.

– И много у тебя процедур?

– Сейчас около десяти.

– А какой ценовой диапазон?

– Три таера, – ответил Дамиан. – Некоторые варианты недорогие. Другие значительно дороже. Есть, не побоюсь сказать, совершенно революционные подходы и решения. Вы инвестируете не столько в сам стартап, сколько в конкретную технологию. Иногда даже становитесь ее первым пользователем. Поверьте, Федор Семенович, я предлагаю уникальный опыт. Если уж тратить деньги, то на это. К сожалению, очень мало людей на Земле имеет такую возможность.

Федор Семенович вздохнул.

– Название-то у твоего стартапа уже есть?

– Есть. «Фуджи И». Пишется так – большими буквами FUJI и «е» в кружочке. Вот как у меня на майке. Расшифровывается – «Fuji Experiences».

Федор Семенович поглядел еще раз на синий простор за бортом, потом на далекую яхту Рината и решительно сказал:

– Ну хорошо, Дамиан. Считай, что я подписался на твой экспириенс. Какие-то деньги в тебя вложу. Сперва небольшие. А дальше увидим...

Дамиан просиял.

– Спасибо за доверие.

– А теперь объясни – почему «Фуджи»?

– Потому что я Улитин.

– Не понял, – сказал Федор Семенович.

– С вашего позволения, у меня есть маленький ритуал, который я совершаю в начале сотрудничества. Эта процедура нужна, чтобы дать процессу формальный старт – и в ней же содержится ответ на ваш вопрос. Можно?

– Не возражаю.

– Тогда я хотел бы переодеться, – сказал Дамиан и подхватил с палубы свой сак-воаяж. – Реквизит у меня с собой.

Пока Дамиан отсутствовал, Федор Семенович допил свой мартини и ощутил наконец приятное расслабление всех мышц.

Когда Дамиан опять появился на палубе, узнать его было трудно. Он был наряжен в самое настоящее японское кимоно – белое в мелких васильках.

Не дойдя до шезлонга с Федором Семеновичем нескольких метров, он остановился, топнул ногой и пропел тихим, но дрожащим от напряжения голосом:

Катацумури!
Соро-соро ноборе
Фуджи-но яма!

Федор Семенович хотел было пошутить, но что-то его остановило.

Кимоно на Дамиане было не особо новое, немного мятое – и все равно тот выглядел очень аутентично. Настолько, что его южная смуглота даже стала казаться дальневосточной.

– Маленькая улитка! Медленно-медленно взбирайся по Фудзияме! Таков примерный перевод этих строк. Это одно из самых известных японских хайку в истории. Его написал великий Кобаяси Исса, один из четырех главных мастеров этой формы. Стих этот многократно переводился и цитировался – его упоминает Сэлинджер в повести «Фрэнни и Зуи», а братья Стругацкие даже взяли из него название своей повести «Улитка на склоне». Название моего стартапа содержит в себе ту же референцию. Моя фамилия, как вы догадываетесь, в самом центре этого смыслового облака – что еще делать Улитину в нашем мире?

– Теперь понял, – кивнул Федор Семенович.

– Смысл этих стихов настолько бесконечен, настолько многогранен, что о нем можно написать тома, и все равно не удастся его исчерпать. Это и крохотный человек, затерянный во Вселенной, и тот единственный способ, каким только и можно браться за действительно великие дела, и равенство мельчайшего с огромным... Продолжать можно бесконечно. Но нас здесь будет интересовать лишь один частный смысл, ни разу, насколько мне известно, не упомянутый ни одним из традиционных комментаторов. Вы ведь уже догадались, о чем я сейчас скажу?

Федор Семенович пожал плечами.

– Смотрите, – продолжал Дамиан, – вершина Фудзиямы – несомненный символ высочайшего достижения. Настолько в реальности невозможного, что его используют сугубо фигурально. Мол, ползи, улитка, вверх, к чуду, и не надейся даже, что доползешь, а пребывай в здесь и сейчас, пока не сдохнешь от стресса... Важна не цель, а движение, работа, возвращение кредита и все такое прочее. Это очевидные обыденные смыслы – ими граждан страны Ямато программируют на романтический конформизм, на котором, если разобраться, и держится вся японская экономика. Но как быть, если улитка все-таки добралась до вершины Фудзи? Или, вернее, каким-то чудом там оказалась – потому что, между нами говоря, честно доползти туда по склону нельзя? Эта тема, между прочим, великолепно разобрана в современной отечественной литературе. Если хотите, я вам процитирую нашего замечательного...

– Не хочу, – сказал Федор Семенович, поднимая руку, – это лишнее.

Дамиан улыбнулся.

– Я тогда своими словами объясню. Климат на вершине горы Фудзи примерно соответствует нашей тундре. Самая низкая зафиксированная температура – минус тридцать восемь по Цельсию. Самая высокая – плюс семнадцать. Мало того, что там снег круглый год, вершина Фудзи вдобавок еще и вулканический кратер. А сама гора Фудзи – это активный вулкан, извержение которого может начаться в любой момент. Те улитки, которые слушают Кобаяси Исса где-то там на склоне, ничего не знают. Но улитки на вершине помнят про это каждую секунду... Попробуй забыть, что живешь на действующем вулкане. Представляете, каково у них на душе?

– Представляю, – сказал Федор Семенович. – Очень хорошо представляю без твоих японских стихов. И что дальше?

– Как вы догадываетесь, все вышеописанное – холодное одиночество в тундре, помноженное на риск в любой момент сгореть в потоке магмы – есть просто иносказательное описание внутреннего мира человека на самом вершине социальной пирамиды. Вернуть ему обычное человеческое счастье кажется невозможным делом. Но я считаю, и мой опыт это доказывает, что такая задача хоть и трудна, но выполнима. Просто для ее решения нужны экстраординарные, часто даже экстравагантные меры, ибо обычные рецепты счастья теряют на вершине всякий смысл. Уже долгое время я размышляю над этими вопросами, Федор Семенович. И вы можете не сомневаться, что весь свой огромный опыт я поставлю вам на службу, как беззаветный самурай вашего счастья...

Дамиан сделал сосредоточенное серьезное лицо, закрыл глаза и отвесил Федору Семеновичу формальный поклон.

– Ну ты меня прямо даже растрогал, – сказал Федор Семенович. – Беззаветный самурай моего счастья. Звучит.

Дамиан поклонился опять.

– С чего начнем? – спросил Федор Семенович.

– Как я уже сказал, вы инвестируете не в сам стартап, а в конкретные технологии. Есть направления разной стоимости, начиная...

– Слушай, – перебил Федор Семенович, – я вот вспомнил только что. Ринат рассказывал, что Баргашов на твоих процедурах таблетки какие-то жрал, чтобы эффект усилить, и что-то смешное приключилось. Это он про что?

Дамиан некоторое время думал. Потом он улыбнулся.

– Вы, видимо, хотите меня проверить – стану ли я разглашать личную информацию, касающуюся клиента? Конечно не стану. Ничего не могу сказать о Баргашове. И Баргашову ничего и никогда не скажу о вас, даже если утюгом пытаться будут. Можете быть уверены, что и содержание, и спектр оплаченных вами консультаций и услуг останутся абсолютно конфиденциальными.

– В этом я не сомневаюсь, – сказал Федор Семенович. – Ну так что у тебя за душой?

– «Фуджи И» предлагает много разных технологий, – ответил Дамиан. – Как обычно, все зависит от того, сколько вы хотите потратить.

– Самое недорогое, – сказал Федор Семенович. – Для начала. Дальше посмотрим.

Дамиан сделал вид, что задумался.

– Самое недорогое? Это, наверно, будет «Помпейский поцелуй».

– Да-да. Ринат как раз упоминал, что ты его на какие-то Помпеи подписал. Что это?

– Одна из моих технологий глубокой GRATIFIKACII.

– Почему именно глубокой, а не широкой?

Дамиан улыбнулся.

– Я могу коротко объяснить теоретическую, так сказать, базу. Вы слышали про Стэнфордский зефирный эксперимент?

– Нет. И не хочу. Не надо мне про зефир, у меня времени мало. Ты самую суть изложи, очень коротко. Общую идею.

– Общая идея примерно следующая – человек, если рассмотреть его трансформацию во времени, похож на... Вот, знаете, есть такая расхожая картинка, изображающая эволюцию – сначала согнутая обезьяна, потом человекообразная обезьяна, потом прямой человек с дубиной, потом согнутый человек с папочкой и совсем уже скрюченный у компьютера...

– Знаю.

– Примерно так же мы эволюционируем и в рамках отдельной жизни. Наша личность в своем развитии проходит через множество стадий. И трагизм... ну, не трагизм, а своеобразие нашей судьбы в том, что самые сильные и мучительные желания посещают нас, когда мы еще не распрямили спину до конца. А когда у нас в руках появляется наконец папочка с деньгами и мы действительно можем себе кое-что позволить, нам...

– Ничего уже не хочется, – вздохнул Федор Семенович. – Было нечего надеть, стало некуда носить.

– Замечательно, – сказал Дамиан. – За вами записывать надо.

– Это не я, – ответил Федор Семенович. – Это поэт Вознесенский. Ты, наверно, про такого и не слышал. И что ты собираешься с этой проблемой делать? Построить машину времени?

– Нет, – сказал Дамиан. – То есть в некотором роде да. Я предлагаю работать с помпейскими пустотами.

– То есть?

– Вы, наверно, слышали, что в вулканическом пепле Помпей остались полости в форме человеческих тел – от погибших во время извержения римлян. Тела истлели, а пустота оста-

лась. Ее заполняют жидким гипсом и получают точные копии погибших. Вот точно так же в подсознательных слоях нашей психики остались отпечатки неудовлетворенных субъектов счастья – тех наших ранних «я», которым мучительно и безответно чего-то хотелось.

– И что? Какой мне толк от этих субъектов?

Дамиан сладко улыбнулся и поднял палец.

– «Субъект счастья» – это метафора. Речь на самом деле идет о вас. Конечно, невозможно воскресить вас юного и полного желаний. Но можно, так сказать, пробурить глубокую скважину к той зоне вашей психики, где остался отпечаток неисполненной мечты, и под большим давлением закачать туда концентрированный раствор счастья. В этом и заключается технология. Это будет не просто очень приятное переживание, а еще и крайне полезный для вашего внутреннего здоровья опыт.

– Х-м-м-м-м, – протянул Федор Семенович, – излагаешь ты красиво. Но верится мне что-то не слишком. Мало ли чего мне в детстве хотелось. Знаешь, как говорят – фарш назад не провернешь.

– Не провернешь, – ответил Дамиан. – Но запросто можно купить такой же точно кусок мяса, каким фарш когда-то был, и положить его сверху на мясорубку. И чем это будет отличаться от фарша, провернутого назад? Только вашими расходами на мясо.

– Это будет самообман.

– Федор Семенович... Японские самураи в свое время говорили, что правда в мире одна – смерть. Все остальное враки. Счастье – всегда самообман. И этот самообман требует нежного креативного подхода. Готовности обманывать и обманываться. Знаете песню – «много в поле тропинок, только правда одна...» О чем эти слова? Вот о чем: когда у вас есть средства, имеет смысл сосредоточиться на мудром выборе эксклюзивной тропинки... А правда в свое время найдет нас сама без всяких инвестиций.

– Да, – согласился Федор Семенович. – Есть такое. Ну что ж, Дамиан, давай попробуем твою тропинку. Даже интересно.

– Как вы догадываетесь, чтобы перейти к конкретным процедурам, нам необходимо будет составить подробную карту вашей психики...

– Карту психики?

Дамиан махнул рукой.

– Не обращайтесь внимания. Наш профессиональный жаргон. Грубо говоря, нужно понять, где именно у нас эти самые помпейские пустоты. Куда бурить и закачивать.

– А-а, – протянул Федор Семенович. – И как мы будем это выяснять?

– Самым простым и надежным дедовским методом, – улыбнулся Дамиан. – Завтра к вам на яхту прилетит наш штатный психоаналитик. Он на подписке о неразглашении, так что говорить с ним можно не стесняясь. Процедура организована так – клиент лежит на кушетке, а аналитик задает разные вопросы. И постепенно у него складывается общая картина... Та самая карта психики. Мы начинаем понимать, где остались ваши неутоленные желания, гейзеры ненависти, засорившиеся колодцы любви...

Дамиан сходил к бассейну за пластиковой табуреткой, поставил ее за изголовьем шезлонга, где возлежал Федор Семенович, и сел на нее.

– Он сядет вот так. Чтобы вы его не видели и могли полностью сосредоточиться на воспоминаниях.

– О чем? – спросил Федор Семенович.

– Начинать всегда надо с эроса. Особенно важны именно смутные, полуоформленные, ребяческие мечты. Детский сад, школа. Ни в коем случае не стесняйтесь. Рассказывать аналитику нужно все без утайки, иначе в процедуре нет никакого смысла... Он обязательно спросит – была ли у вас странная, неудобная, смешная детская любовь? Эротические мечты? Позывы?

Федор Семенович почувствовал приятную сонливость, не мешавшую, однако, думать и говорить.

– Была, – сказал он и вздохнул. – Была такая любовь. Таня... Танек...

– Ни слова больше, – сказал Дамиан. – Я же не аналитик. Я просто организатор производства. Все остальное расскажете специалисту.

1.2. ТАНЯ

Таня догадалась, что она красавица, уже к третьему классу школы. Это помог понять сосед по даче, отставной майор внутренних войск Герасим Степанович (она звала его «дядя Герасим») – грузный седой мужчина с красными глазами, казавшийся ей похожим на царя кроликов.

Дядя Герасим часто зазывал к себе Таню через символическую дыру в заборе – сперва на участок, где он любил подолгу ковыряться с тяпкой, а потом в дом, где угощал ее пряниками с чаем.

Во время чая, стыдясь и краснея, словно он делал что-то очень нехорошее, царь кроликов надевал ей на голову кокошник в пластмассовых жемчужинах – головной убор советской снегурочки. После этого он складывал руки на груди и начинал немusыкальнo напевать песню из мультфильма про волка и зайца:

– Расскажи, снегурочка, где была! Расскажи-ка, милая, как дела!

Иногда он просил ее надеть такое же серое в жемчужинах платьице, хранившееся у него вместе с кокошником с непонятной целью. Оно было велико Тане и пахло нафталином, но она соглашалась. Бывало и так, что он заводил музыку и просил ее потанцевать. Таня танцевать почти не умела, но Герасим Степанович всего-то хотел, чтобы она прошла в зад-вперед по комнате с белым платком в поднятой над головой руке.

Таня в те годы даже не подозревала о возможной опасности таких посиделок с пожилыми мужчинами, и ее родители, в общем, тоже. Дядя Герасим был другом дома и часто выпивал с отцом на праздники, так что Таня его не боялась.

Ничем недостойным или хотя бы двусмысленным эти игры с переодеваниями омрачены ни разу не были. Но глаза дяди Герасима временами начинали так странно блестеть, что Таня понимала – от нее исходит какая-то еще неясная ей самой сила, и сила эта смешно действует на людей.

Постепенно она стала догадываться, что все окружающие, кроме родителей, ценят ее на самом деле только за это непонятное качество, нестойкое и изменчивое, зависящее от множества обстоятельств. Словно бы она, Таня, была монетой, номинал которой мог меняться самым причудливым образом: без кокошника она была пятаком, а в кокошнике червонцем.

Эта же тема волновала всех остальных девочек. Ее иногда поднимали и на уроках.

Классная руководительница говорила о душевной красоте, невидимой глазу и значительно превосходящей привлекательность физическую, которая не так уж и важна («с лица воду не пить»).

Но при этом пить воду с ее собственного лица было опасно для жизни. Выщипанные в ниточку брови учительницы, жуткие лиловые тени на веках, карминовая помада на губах и прочие трогательно-беспомощные протезы этой самой физической привлекательности сообщали чуткому детскому уму, что взрослые опять врут.

Люди – это было ясно Тане еще с детского сада – имели товарную ценность, и даже в самых бескорыстных на первый взгляд дружеских отношениях как бы взаимно арендовали друг друга. Иногда они рассчитывались чем-то полезным, иногда собою.

Внутренняя красота, о которой говорила учительница, имела хождение, но спрос на нее был примерно такой же, как на елки после Нового года. Будь это иначе, на месте косметических кабинетов открывали бы салоны духа. А вот красоту внешнюю брали везде и сразу. Таня очень хорошо поняла, что нет ничего важнее этого загадочного невидимого кокошника, превращающего ее в снегурочку.

Опыт приходил быстро и часто бывал печален.

Сделать себя «красивее» было почти невозможно – чего не понимали не только безнадежные взрослые тетки, но и вполне вменяемые сверстницы.

Это доказывали собственные эксперименты с материнской косметикой. Раскрашенное и напудренное детское лицо вызывало смех и у взрослых, и у одноклассников. Зато в самые свои растрепанные и перепачканные минуты Таня нередко ловила на себе чужие глаза, полные памятного по дяде Герасиму кроличьего блеска, от которого так сладко и жутко делалось на душе...

Нет, красоту непросто было понять. Хотя каким-то таинственным законам она все же подчинялась.

Летом после шестого класса Таня наконец разгадала тайну. В потрепанной переводной книге, которую она читала на берегу моря, ей встретился древний афоризм: «красота в глазах смотрящего».

Ну конечно.

Это было так очевидно – и так невозможно понять самой! Красота была неуправляема просто потому, что не была ее собственным атрибутом или свойством – таким как загар, возраст, рост или цвет глаз. Нет, ее красота, как ни странно это звучало, была свойством тех людей, которым она нравилась.

Это не она, Таня, сама по себе была пятаком или червонцем. У нее не было никакого фиксированного номинала вообще. Но коллекционеры монет, населявшие мир, готовы были обменивать ее на разные суммы по непонятным для нее причинам. Повлиять на их выбор было трудно. Но на тех, кто принимал ее за червонец, она могла твердо рассчитывать.

К счастью, таких оказалось много: к монете «Таня» проявляли устойчивый интерес. В неформальном забеге школьных красавиц она год за годом приходила одной из первых.

Успех у сверстников, конечно, мало чего стоил – они были просто закомплексованные дурни. Но было много тайного, кредитоспособного и одновременно пугливого взрослого интереса.

Таня потеряла девственность после девятого класса, в том же приморском поселке, где когда-то прочла про глаза смотрящего и зарождающуюся в них красоту.

Это случилось после выпитой на двоих бутылки сухого – и было довольно нелепо, хоть и познавательно. Еще это было больно. Ее бойфренд (местный парень с темными усами, напоминавший ей мавра) непременно хотел воплотить в жизнь все порнографические клише и шаблоны, и Таня не особенно возражала, поскольку много раз видела на разных экранах тот же самый набор процедур. То, что в жизни все немного по-другому, понять она еще не успела.

Роман с *юсатьем ужанином*, как она один раз смешно оговорила, продолжался месяц. Таня выяснила много нового о вселенной Дж. Р. Р. Толкиена и хорошо ознакомилась наконец с живущим в вечной тьме ужом, о котором столько шептались девчонки.

Мавр катал ее по морю на ветхой моторной лодке – Таня все время боялась пораниться о лежащий на ее днище якорь, похожий на обоюдоострый пыточный крюк с боковыми цеплялками для кишок. Этот жуткий сверкающий инструмент все время напоминал ей о первом любовном опыте, поэтому морские прогулки выходили очень сексуальными.

Тетка, у которой она жила, догадывалась о происходящем, но вела себя деликатно и в чужие дела не лезла.

– Твой первый тать, – сказала она с ухмылкой.

– Почему тать? – не поняла Таня.

– Ну ты же Татьяна. Значит, твой ухажер – тать.

Слово «тать», как Таня выяснила, означало банальное «вор». Она, значит, была воровская девчонка. А че...

После возвращения в Москву Таня стерла южный телефон – мавр сделал свое дело около сорока раз, и этого было довольно. Усатик, увы, был лузером в силу простого географического

детерминизма. Как говорили в те годы по телевизору, «в провинции нормальных социальных трамплинов сегодня нет».

Мавр-толкиенист забылся сразу. Впереди у жизни была «только даль» – как пели в старой советской песне, которую еще крутили изредка на курортах.

Таня уезжала на юг золушкой, а вернулась инициированной принцессой, и колеса ее невидимой кареты весело застучали по московской мостовой.

Она, как все говорили, расцвела – в ней началась та неостановимая химическая реакция, которая сводит мужчин с ума и поддерживает жизнь на Земле: неуправляемый и быстротечный процесс, похожий на горение бенгальского огня.

Этот огонь бьет своими искрами во все стороны днем и ночью, зимой и летом, пока не догорит до конца. Ему не важно, что в стране кризис, ему наплевать, что у родителей нет денег, он не понимает, что через два года было бы лучше. Его нельзя заморозить – можно только погасить раньше срока.

Таня много читала. Чем пошлее были описания «мимолетного цветка красоты» в программирующей патриархальной прозе (почему-то звавшейся «женскими романами»), чем отвратительнее казалась безответная покорность, привитая их героиням в качестве «вечной женской мудрости», тем яснее было, что ничего со всем этим поделаться нельзя. Во всяком случае, в обозримой перспективе.

Поезд, на который брали только красивых, был реальностью; можно было ехать на нем – или нет. Строить новую железнодорожную ветку в ледяной русской пустыне было благородно, но как-то зябко. Природа спешила, и приходилось спешить следом.

Все Танины сюжеты, где происходило что-то серьезное («мокрые дела», как говорила подруга), завязывались и кончались за пределами школы. Мальчики в классе засматривались на нее, но понимали, что им ничего не светит: Таню дожидались у школы такие иномарки, которым не стоило царапать бампер даже взглядом. Страна переходила на рыночные рельсы, и Таня, в отличие от болтунов-взрослых, действительно готова была на них лечь.

Хоть в классе к ней не приставали, у Тани, как у каждой серьезной школьной красавицы, был личный рыцарь печального образа, свой Пьеро, тайно истекающий клюквенным соком в своей каморке. В третьем классе он целый год сидел с ней за одной партой и никак не мог этого забыть.

Этого Пьеро звали Федя. В число школьных альф он не входил. Совсем уж последней омегой тоже не был – его место было в конце греческого алфавита, где-то между презрительным «фи», издевательским «хи» и чокнутым «пси».

Федя был долговязым худым очкариком. Он рано вытянулся, но израсходовал на этот подвиг все ресурсы и поэтому не отличался силой, несмотря на рост. Учился он средне – успевал по математике и английскому, но прогуливал биологию и химию. Любил читать книги про физиков, но по самой физике имел трояк.

Ни с кем в школе он особо не дружил, если не считать воскресного преферанса с такими же подрастающими фи-самцами. Преферанс сопровождался винопитием.

Ухаживания Феда были странными и болезненными и могли бы много раз стоить ему всех передних зубов, если бы Таня принимала их всерьез.

Несколько раз он, напившись, звонил ей домой и заплетающимся языком выяснял, что задали по английскому и чему-то там еще. Однажды на перемене он грубо и очень конкретно облапал ее во время шуточной борьбы за пластиковую тарелку-фрисби. Таня предпочла сделать вид, что ничего не заметила. Иногда он сидел на лавке возле школы, дожидаясь, когда она выйдет, и шел следом, не подходя слишком близко.

Как-то раз на овощной базе, куда весь класс вывезли для сортировочных работ, он даже попытался ее поцеловать – был осенний мокрый вечер, перед этим хорошо выпили, и это было похоже на шутку. Таня, смеясь, отбилась.

При этом Федя не делал никаких попыток всерьез подружиться или сблизиться с ней нормальным человеческим образом – что совсем не казалось Тане удивительным.

Она хорошо знала, что у большинства сверстников рот и мозги все еще склеены пубертатными швами, превращающими их в глупых хамов и задир. Девочки уже давно были большими, а мальчики все еще оставались маленькими.

Таня догадывалась, что это своего рода защитная скорлупа, внутри которой они продолжают развиваться – «мужчина» вылуплялся из куколки значительно позже, часто уже после армии (большинству ее новых друзей было уже нормально за двадцать).

Хоть Федя не делал (и очень правильно) попыток серьезно за ней приударить, Таня постоянно чувствовала горячий луч его внимания, упертый в ее спину. Когда дела на личном фронте складывались кисло, это тепло даже грело, напоминая, какой у ее червонца высокий обменный курс.

Были, конечно, в этих полуотношениях и неприятные моменты. Если не считать пьяных Фединых звонков, самый неловкий, двусмысленный и смешной случай произошел в десятом классе на картошке.

В совхозе («музей ГУЛАГа», как его называли в уже вдохнувшем свободы классе) было весело. Картофельные работы походили на чуть подпорченные каникулы, продленные в бабье лето: умеренно выпивали, слушали музыку, играли в карты. Несколько часов грядко-майнинга в поле утомляли не слишком.

Правда, иногда на сутки или двое отключали воду (шутили, что у водопроводчиков своя картошка), и тогда приходилось мыться по одному в перегороженной бане, где на каждой половине стояло по огромному баку с водой – для мальчиков и для девочек. Чтобы не одеваться и не раздеваться лишний раз, в баню ходили налегке, иногда просто заворачиваясь в полотенце.

Таня предпочитала надевать на эту короткую прогулку модный купальник, для которого той осенью все равно не нашлось другого применения – и уже поверх него оборачивалась в тропическое желтое полотенце с пальмами.

Однажды, отправившись в баню, она встретила у входа Федю. Тот выглядел смешно: на нем был дурацкий слесарный халат синего цвета (совхоз получал их по бартеру – такие выдали всем мальчикам) и красные тапки на босу ногу. Халат был застегнут на одну пуговицу, и под ним была видна бледная грудь. Словно стараясь сделать себя еще более жалким, Федя быстро курил. Заметив ее, он сразу отвернулся.

Таня вошла в баню и стала мыться. Она уже почти заканчивала, когда на мальчиковой стороне за сделанной из старых теннисных столов перегородкой раздался звонкий грохот тазов и шаек, рушащихся на пол.

Таня поняла, что Федя подглядывал за ней сквозь щель между столами – и повалился со своих подпорок. Эта мысль ее и рассмешила, и напугала. А вдруг он сейчас возьмет и... Вряд ли, конечно, но девки говорят, что когда у них спермотоксикоз, они совсем безумные.

Когда Таня вышла из бани, уже начинало темнеть. Федя околачивался на том же месте, где курил полчаса назад. Он явно ее ждал, это Таня ощутила сразу.

Он глядел на нее с выражением торжества и счастья на лице – и это было так странно, что от неожиданности и шока Таня остановилась. Тогда написанное на Федином лице торжество превратилось в какое-то мучительное умиление, и он, все еще глядя ей в глаза, поднял руки, сжал в них лацканы своего халата – и потянул их в стороны, словно борясь с желанием сорвать с себя эту синюю тряпку и сделать что-то невероятное, небывалое...

Этот незавершенный жест был немного похож на классическое «стреляй, фашистская курва» из фильмов про войну, но вместо «стреляй» просился другой глагол.

Таня пришла в себя – и пулей помчалась к спальному барраку. У дверей она остановилась. Страх прошел, и ее теперь разбирал смех. Что-то случилось, но непонятно было, что именно и как про это рассказать девкам.

Федя сделал что-то? Вроде нет. Руками не трогал. Ни ее, ни себя. Просто стоял у бани, держась за слесарные лацканы.

Но в том и дело, что он не просто так стоял. Очень не просто... Это было очевидно, но как такое объяснишь? Да и на что жаловаться? Борьба космических сил в душе уголовным кодексом не преследуется. Даже когда отчетливо отражается на лице. Смешной мальчик, да. Вид у него был такой, словно он удерживает скакуна.

Решив никому ничего не говорить, Таня легла спать.

Вроде бы плюнуть и забыть – но почему-то это событие сильно повлияло на Федю, и эффект ощущался еще несколько месяцев. Он стал краснеть всякий раз, когда она смотрела в его сторону. Избегал встречаться с ней даже взглядом. Постепенно неловкость затерлась, но после этого они ни разу, кажется, толком не поговорили.

А потом школа кончилась, и началась совсем другая жизнь.

Личная.

Три года прошли как во сне. Снег, музыка, разбавленный аптечной дрянью кокаин, далекие выстрелы ночью (от этого звука всегда хмурились ее сильные взрослые друзья).

Таня сменила нескольких бандитов. Они горели так же неостановимо и ярко, как бенгальский огонь ее собственной красоты. Страшно и весело было катить вместе с ними по жизни в золотых тачанках.

Бандюки были по-звериному – не в эстетическом, а в гормональном смысле – красивы. В них было что-то настоящее, жмущее на все женские клапаны и пружины сразу. Крутой мужик убивает других мужиков. Крутая телка с ним после этого спит: древний женский способ соучастия в убийстве. И две тысячи лет война, война без особых причин, звезда по имени солнце и группа крови на рукаве.

Когда кукушка оформила ее третьего быка, Таня немного протрезвела. Беднягу сожгли в машине без всякой самурайской романтики – в багажнике, как старую покрывку. Она вполне могла оказаться рядом. Другие девки попадали.

Времена быстро менялись, и кукушку лучше было не провоцировать. Пора было думать о карьере и наводиться на более высокую социальную страту.

Через несколько месяцев, после пары унижительных кастингов, Таня оказалась в одном из гаремов Отари Квантришвили. Солярий, бассейн, неприятные восточные люди, веселое ментовское начальство, рожи из телевизора, кабинеты, сауны, салон, массаж, Бали, опять сауны, человек, похожий на... (сразу забыть, понятно?), много валюты. Даже норковая шуба.

На фоне палаток со спиртом «Рояль» это казалось успехом, но постепенно Таня стала понимать, что даже самое интимное общение с богатыми высокопоставленными мужчинами не обязательно поднимает женщину в социальном плане. Скорее наоборот.

Как-то раз жена одного из клиентов лично приехала в гостиницу «Советская» за упившимся до синевы мужем, и в процессе передачи тела Таня услышала от нее не только подробный анализ своей общественной роли, но и бизнес-прогноз на ближайшие годы. Некоторых замысловатых бранных эпитетов она никогда раньше не слышала. Но обидным было другое – прогноз начал сбываться немедленно после произнесения, словно был на самом деле проклятием.

Отари Квантришвили застрелили. На выходе из символической бани, как грустно отметила Таня, вспомнив школьного дурачка Федю.

На лице Отари Витальевича было много веселых морщин, похожих на русла рек; при большом увеличении можно было разглядеть выстроенные на их берегах поселки коттеджного типа. В одном из них и жила Таня. Но когда Отари Витальевич умер, морщины разгладились,

волшебная страна исчезла, и сразу много одалисок в норковых шубах оказались на холодной московской улице.

Тане опять повезло. Ее взял на содержание один из богатых клиентов – муниципальный чиновник, связанный с какими-то строительными разрешениями. У него была жена с детьми, и он ужасно боялся скандалов, потому что для бюрократа его ранга такие вещи были смертельны: московское начальство воровало крестьясь, жертвовало на храмы, и нарушения венчальных обетов Лужков мог не понять.

Чиновника звали Игорь Андреевич. Таня так его и называла – из-за разницы в возрасте, и еще для того, чтобы появлялась возможность перейти иногда на страстное и задыхающееся «Игорь» (за которое Игорю Андреевичу, чтобы не расслаблялся, в следующий раз приходилось биться вновь).

Игорь Андреевич организовал Тане приличную квартиру в центре, обставил ее по последнему слову пошлости и даже прикрепил к Тане домработницу, следившую за едой в холодильнике и чистотой постельного белья.

Следующие четыре года Таня прожила почти счастливо. Во всяком случае, комфортабельно и спокойно. Игорь Андреевич не напрягал. Она не напрягала его тоже, без сцен и слез сделав два аборта.

Он не был ее единственным клиентом – у Тани были и другие контакты, оставшиеся со времен Отари Витальевича. Но в снятую для нее квартиру она никого, конечно, не водила.

На выходные Игорь Андреевич был занят с семьей. Он приезжал обычно в будни, часов в девять-десять утра, выкроив время между домашним завтраком и дневным совещанием в мэрии (он называл такую утреннюю встречу «переходом через Альпы»).

В полуосвещенной спальне его ждала кровать под балдахином с геральдикой, фальшивый мушкет на стене, электрокамин с мигающими красными огоньками и глухая штора на окне – все это почти превращало зимнее московское утро в условный альпийский вечерок.

– Кто я для тебя? – спросил он как-то.

Таня вспомнила черноморскую тетку – и нашлась.

– Ты тать.

Игорь Андреевич сделал круглые глаза.

– Почему?

– Ну я же Татьяна. Значит, ты тать.

– Хорошо, ты не Лена, – сказал Игорь Андреевич. – Меня бы тогда в мавзолее потрошили. Но ответ ему, похоже, понравился.

Игорь Андреевич переходил через Альпы каждую неделю два раза, почти всегда с трудностями. Проблему вполне можно было решить гуманитарными методами – но Таня инстинктом чувствовала, что быть с Игорем Андреевичем чересчур уступчивой и ласковой не следует, потому что ему в этом спорте важнее всего именно Альпы, то есть победа над враждебной стихией, которую олицетворяло молодое женское тело.

Тать платил вовсе не за нежность.

Он платил за то, чтобы с кудахтаньем топтать младое незнакомое племя, ждущее перемен – и она, Таня, была просто послем этого племени. Единственным, что могло как-то примирить Игоря Андреевича со старостью, была символическая победа над чужой юностью, поэтому, чтобы правильно подыграть ему, следовало всячески поднимать цену и престиж этого подвига.

Недостаточно было требовать дорогих подарков – кидать монеты в щелку киски-копилки любому клиенту надоедает быстро, Таня помнила это по «Советской». Важно было постоянно модифицировать сам «переход через Альпы», поддерживая изумление Игоря Андреевича, а для этого нужна была поистине суворовская смекалка.

Таня хмурилась, сопротивлялась, постанывала, недовольно морщилась, как бы вырывалась из его рук на свободу – но, разумеется, только после того, как войска Игоря Андреевича

уже кое-как проникали в долину, и конфузия его знаменам не грозила. Игорь Андреевич не на шутку заводился, начинал шумно дышать и одерживал очередной блицкриг.

Объяснить кому-нибудь принципы высокогорного боя Таня вряд ли смогла бы, потому что не формулировала их даже для себя. Единственным приближением к такой формулировке была одна часто мелькавшая у нее мысль:

«Вот кошка. Живет с человеком всю долгую кошачью жизнь – и ухитряется сохранить его интерес до самого последнего дня. А почему? Красивая, загадочная, очень мало говорит, много царапает, и, самое главное, безошибочно знает, когда царапнуть, а когда прыгнуть на колени...»

Таня понимала мужскую сексуальность образно. Ей иногда вспоминалась картинка из книги про динозавров: бугристый кружок земли, где стоят мальчик и девочка, а под ними – разрез земной толщи со скелетами мастодонтов и ящеров.

У каждого мужика под землей были свои скелеты, и часто они выпирали из почвы. Пытаться понять, что именно там зарыто, было себе дороже – важно было выяснить, куда нельзя ставить ногу.

Игорь Андреевич в геологическом смысле был ровным и малоинтересным плато: под Таниной туфлей были меловые отложения, миллиарды окаменевших улиток. Ему важно было знать, что у него молодая, дорогая и красивая любовница из таинственного поколения перемен. Других костей там не было.

Таня сделала в хорошем салоне несколько абстрактных татуировок на руках и плече. Когда Игорь Андреевич попросил объяснить их смысл, она ответила так:

– Ну это молодежное. Мировоззренческое. Кто в теме, втыкается сразу.

Она телепатически чувствовала, что требуется стареющему сожителю. У нее появилась косуха с острыми шипами на вороте и плечах. Она сделала себе панковскую стрижку под мальчика-зомби. Стала заводить Игорю Андреевичу противную экспериментальную музыку – он это даже приветствовал, если та играла тихо. Купила себе японскую шелковую пижаму в виде школьной матроски с отложным воротником. Делала на огурцах и бананах упражнения для языка и щек. В общем, на альпийском фронте шли бои, и Игорь Андреевич молодец с каждым днем.

Бросил он ее неожиданно, сославшись на проблемы с семьей и здоровьем. Он оказался неплохим человеком: квартиру, где Таня так уютно прижилась, он ей просто подарил, но с условием никогда больше не всплывать в его жизни.

Таня через некоторое время выяснила, что у него новая любовница. Моложе ее на четыре года.

Это был, конечно, удар, хоть и смягченный трофейными метрами. Таня долго пьянствовала – сначала с подругами, потом одна. Ей даже казалось несколько дней, что она его любит и страдает от разлуки. Придя в себя и отоспавшись, она заметила, что у нее непорядок с бровями.

На самом деле началось это давно.

Что-то с бровями случилось еще два года назад, но все время казалось, что если чуть подправить их по контуру, проблема уйдет. Она вроде бы и уходила – особенно после хорошего салона. Затем появлялась опять, и снова исчезала.

В салон с распухшей рожей идти было стыдно, и Таня решила подправить брови сама. Потом ей снова захотелось выпить.

Поглядев в зеркало на следующее утро, она отшатнулась.

Оттуда смотрела усталая испитая тетка с тонкими ниточками выщипанных бровей – какие бывают у проблемных женщин среднего возраста (ищут способа сделать себе больно, объяснил в журнале один психолог, но не решаются на пирсинг). Такие же брови, вспомнила Таня, были у училки с карминовыми губами и лиловыми веками, которая говорила про внутреннюю красоту...

Существо в зеркале даже не казалось особенно молодым. Нет, понятно было, что ему двадцать с чем-то – но это не были юные двадцать. Они были, как выражался классик, второй свежести.

Бенгальский огонь погас.

Ну или почти погас – можно было, конечно, отоспаться и отдохнуть, постепенно привести себя в порядок, дожидаться, когда брови отрастут, сбросить три кило и запалить огрызок снова. При правильном питании искр и треска могло хватить еще лет на пять, а то и на все десять.

Но сейчас Таня отчетливо видела в зеркале будущее. Загадочная точка «Б», про которую столько говорили на уроках физики, впервые показалась из тумана и перестала быть абстракцией.

У нее было припрятано несколько амстердамских таблеток с пронзенным стрелой сердечком – на случай, если Игорю Андреевичу захочется окончательной бури. Она съела сразу три, нацепила наушники с музыкой и легла в ванну, собираясь то ли умереть, то ли уехать к маме (с которой, после особенно мучительного скандала, не говорила уже три года). Умереть не удалось, но Таня посетила много разных мест у себя внутри, и кое-что открылось ей в видении.

Ей вспомнилось то школьное лето, когда она, бросив в волны своего первого мавра, возвращалась в Москву, чуточку нервничая, что чары вот-вот рассеются и все окажется по-прежнему. Она была молодой, невозможно молодой – и такой красивой...

Ах, великое чудо красоты!

У красавицы есть волшебная карета, несущая ее по недоступным для остальных маршрутам. Карета везет ее от одного праздника к другому, вокруг льется шампанское и лопаются звезды фейерверков – а к подножке склоняются господа этого мира, часто готовые расстаться ради красавицы не только с деньгами, но и... ну, не с жизнью, положим, но с очень большими деньгами тоже.

Без всяких усилий красавица взмывает по крутейшему подъему в одно пространство с королями, миллиардерами и мировыми звездами – и смело катит по нему в своем магическом экипаже, зная, что она тут по праву: ландшафтные парки, сказочные фонтаны и заколдованные дворцы существуют именно для нее.

Но у волшебной кареты есть один мрачный секрет. С каждым ударом часов она становится чуть больше похожа на тыкву. Сперва про это знает только сама красавица, но постепенно постыдную трансформацию начинают замечать другие. И чем больше людей это видит, тем меньше шлагбаумов поднимается перед каретой.

И в какой-то момент они перестают подниматься совсем. Карета становится тем, чем была с самого начала – тыквой, катящейся по земле к утилизационному рву в компании других несвежих и побитых жизнью овощей.

И происходит это всего за несколько лет. Путешественница успевает увидеть, как пожилые принцы в белых рейтузах начинают свой порочный танец вокруг свежих тыкв, которым еще очень далеко – как им пока кажется – до рва. А потом все скрывает кривизна земли.

И никто, никто не спасет красавицу от этой судьбы – просто потому, что после завершения бенгальской реакции уже не останется красавицы, которую можно спасти.

Это было бы поистине страшно, если бы в тыкве все еще сидело то трепетное и гордое существо, что въезжало когда-то в сказку на волшебной карете. Но природа милосердна: душа меняется вместе с тыквой. И, докатившись до рва, тыква уже не будет ни жалеть, ни роптать, а только радоваться, если удалось сберечь несколько медяков.

Слезы капали в ванну, но Таня не роптала. У нее хотя бы осталась квартира... Она подняла с пола женский журнал, положила на мокрые колени и проглядела его словно бы впервые протрезвевшими глазами.

Сахар прекрасно отшелушивает кожу. Смешайте в равных количествах белый и коричневый сахар с небольшим количеством воды. Аккуратно проскрабируйте этой смесью лицо в

течение 3–4 минут и смойте теплой водой. Этот способ не только отшелушивает кожу, но и делает ее сияющей и молодой.

Ага, спасибо. Какие советы этот мир дает молодой женщине? К чему склоняет ее пылкий романтичный ум? К цинизму, думала Таня, к бесстыдной торговле. Мир дает советы, как перед продажей подкрасить кобылу купленной в лавке тушью... Причем цыган давно расстреляли фашисты, и кобыле приходится продавать себя самой.

За каждым успешным мужчиной стоит любовь женщины. За каждой успешной женщиной стоит предательство мужчины.

Наткнувшись на эту мудрость, Таня заплакала и позволила журналу сползти в уже прохладную воду. Вот только это и имело, пожалуй, смысл – стать вопреки всему успешной женщиной. Не через чей-то морщинистый елдак, а с нуля, самой.

На самом деле было не очень понятно, что такое «успешная женщина». Успешная в каком смысле? И кто вообще выносит вердикт о женском успехе?

Таня думала об этом несколько дней. В ее голове дрожало и переливалось смысловое зарево: как бы центральный клип в окружении множества других клипов.

Центральный клип был про нее. Она видела себя в образе бизнесвумен в строгом темном жакете (с узкими лацканами, низким вырезом, одной серебряной пуговицей в районе пупка и без бюстгалтера – так что грудь была одновременно скрыта лацканами и наполовину обнажена, и еще приятно приплюснута, что визуально увеличивало ее упругость и объем).

Сюжеты, разворачивавшиеся вокруг центрального клипа, были банальны вечной глянцево-банальностью. Морские виллы, яхты, умные молодые референты...

Пошлость собственной мечты была так заметна, что Таня понимала: даже мечтать и горевать ей приходится закачанными в голову штампами, и по-другому не может быть, потому что через все женские головы на планете давно проложена ржавая узкоколейка, и эти мысли – вовсе не ее собственные надежды, а просто грохочущий у нее в мозгу коммерческий товарняк.

Словно бы на самом деле думала и мечтала не она, а в пустом осеннем сквере горела на стене дома огромная панель, показывая равнодушным жирным воронам рекламу бюджетной косметики.

Это неожиданное направление в мыслях было похоже на лаз, уходящий далеко в темноту – но Таня даже не представляла, куда он ведет. Она уснула.

С утра она уже не помнила ничего о своих пьяных прозрениях. Она решила поступать на юридический.

Поступить удалось через пять лет, и то на вечерний.

К этому времени Таня успела сменить три работы и двух татей. Теперь она трудилась в оптическом салоне и носила модные очки с простыми стеклами – они чуть молодили лицо, поднимая скулы (не то чтобы это было очень нужно, но все-таки).

Институт, даже вечерний, оказался чрезвычайно полезным для личностного роста. Дело было не в изучаемом материале, конечно, а в общении с людьми. Через людей дули свежие смысловые сквозняки.

Таня поняла наконец, чего ей не хватало все эти годы. Не «ума» (бог его знает, что это вообще такое) и не «образования» (еще непонятней), а того заветного набора правильных слов, которые делают человека «продвинутым» и превращают лоховатую кису в светскую львицу.

Если бы этот набор со всеми его вспомогательными стразами, крючками и шпильками установили ей в голову лет в восемнадцать-двадцать, все могло бы сложиться иначе. Из «Советской» можно было выписаться с совсем другим уловом. И Игорь Андреевич ее не бросил бы

– это она, уходя на повышение, олимпийски метнула бы его, как древний грек прыжковые гантели. И вместо квартиры сейчас был бы трехэтажный дом на Рублевке.

Теперь Таня знала, что красоте нужна не только оправа, но и легенда. И если оправа – это просто одежда, макияж и bling¹, то легенда – это способность создавать вокруг себя романтическое загадочное облако.

Ну нельзя в двадцать первом веке быть простушкой и дурочкой, нельзя. Косметика в наше время бывает внешняя и внутренняя – первая продается в любом торговом центре, вторую нужно годами добывать самой: невозможно предугадать, что из услышанного и усвоенного пригодится, отразится, засверкает и ослепит.

Словом, институт развивал личность – хотя, возможно, не совсем так, как планировали в министерстве. Даже учебный материал мог быть иногда полезен: он приятно заполнял пустую после работы голову и поднимал общую эрудицию. Преподаватели скучнейших гуманитарных дисциплин иногда выдавали такое, что Таня обмирала.

– Можно понять римлян первого века, этих усталых и гордых стоиков, – говорил бородач на семинаре по истории религий. – Вот представьте – вы всю жизнь приучаете себя достойно жить среди безобразного абсурда и умирать не ропща, с равнодушным презрением к судьбе... Примериваетесь понемногу, как будете вскрывать жилы в ванне... И тут к вам в околоток приводят еврейского дебошира, который говорит – а Бог-то это я, я... Это я все так придумал и устроил, я за все отвечаю...

И он обводил пространство дирижерским жестом рук, в конце разводя их как для распятия.

Таню такие эскапады смешили, но не радовали. Не то чтобы она слишком уж трепетно относилась к христианству. Но, как она смутно чувствовала, в старой России – даже и в советской – можно было попытаться разжалобить убийцу или вора, напомнив ему про крест на груди. Ну снимем мы этот крест, допустим. И про что тогда будем напоминать мучителю? Про либеральные ценности?

А на следующей паре старушка-лекторша, перешедшая с истории КПСС на культуроведение, уже объясняла культурную ситуацию в США:

– Вы должны понимать, друзья мои, что в современной Америке всем заведуют неокконы, то есть бывшие троцкисты. Все, что говорил и думал Лейба Бронштейн – для них как евангелие, и они неукоснительно воплощают это в жизнь. Вот, например, знаменитая максима Троцкого времен Брестского мира: «Ни мира, ни войны, а армию распустить...» С войной и миром неокконы уже разобрались. Сегодня, как вы знаете, ни того, ни другого нет. Есть мир с элементами войны и война с элементами мира. А вот насчет «армию распустить», – старушка ласково поднимала палец, – вышла неувязочка. Нынешние неокконы по-русски не говорят и Троцкого изучают в переводе. Им, видимо, неправильно перевели, и они решили, что «распустить» означает «растлить». Отсюда и мужеложество, постепенно внедряемое в войсках. Трудно, конечно, но при серьезном финансовом ресурсе осуществимо...

Образование – во всяком случае, его социально полезная часть – состояло вовсе не из профессиональных знаний, а из подобных двусмысленных и ярких блесков, прилипающих к стенкам души.

Их и нужно было скармливать в свое время Игорю Андреевичу вместо «мировоззренческих татуировок». Это и было современным девичьим приданым – модными перинами и наволочками духа, тем самым, чем сосущая за хабаровск дуреха отличается от... нет, даже не просто дорогой женщины, а такой, с которой разговор о цене вообще неуместен, потому что вести его будет через много лет специальный лондонский адвокат.

Ну почему, почему мы все понимаем так поздно?

¹ Цацки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.